

Творцы и мыслители

Ольга Старовойтова

*«Quis, quid, ubi,
guibus auxiliis, cur,
quomodo, quando»¹*

*Жан-Франсуа Шампольон
(1790–1832) – отец египтологии*

Слово создает все сущее. Все, что мы любим и ненавидим. Все, что живет на Земле. Никто не существует до тех пор, пока это отчетливо и ясно не обозначат словами.

Из египетского папируса

С страна фараонов умела хранить свои тайны. «Египетское письмо имеет символический характер. Каждый иероглиф означает целое слово или даже фразу»², – отмечал Плутарх.

«В настойчивом поиске истины и при передаче ее ученикам мудрецы египетских храмов не пользовались обычными письменными знаками (которые суть лишь обозначение звуков устной речи), но рисовали символы, куда вкладывали определенные мысли и идеи. Каж-

¹ «Кто, что, где, какими средствами, почему, как, когда...» (лат.).

² Цит. по: Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. Л.: Детгиз, 1955. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-xapi.html>

Родной дом семьи Шамполиона. Фото 1977 года, сделано до того, как дом стал музеем. Сейчас дом занимает половину площади музея

дый символ, таким образом, заключал в себе определенную долю знания и мудрости. Это была кристаллизация истины. Учителя и ученики, зная значение образа, могли истолковать его словами и объяснить, почему он выглядит именно так, а не иначе³, – писал Плотин, неоплатоник Александрийской школы.

«Арабский автор Идриси около 623 года по арабскому летоисчислению (1226 г. христианской эры) писал, что за несколько лет перед тем (перед походом халифа Аль Мамуна) Красная пирамида (пирамида Менкаура) была открыта с северной стороны. <...> Люди, открывшие вход в пирамиду, искали сокровища... Они обнаружили человеческие останки, но никаких ценностей, кроме нескольких золотых табличек, исписанных подо-

бием письма, которые *никто не мог прочесть*. Все вкуче таблички были оценены в один динар»⁴.

«Камни исписаны древними знаками, теперь уже никому не понятными. Я не встретил в Египте ни одного человека, который разбирался бы в них»⁵, – свидетельствовал Абдул-эль-Латиф, арабский путешественник XII века.

«Бесстрастные числа и буквы дышат гармонией божественного разума, будучи освящены божественной помощью, и потому создания наверху боятся их, а создания внизу трепещут от них»⁶ – это слова Корнелия Генриха Агриппы, мага эпохи Ренессанса (XVI в.).

«Иероглифы говорят, указывают и умалчивают» – таково было мнение древних. Заповедные двери египетского письма оставались закрытыми многие века и ждали того, кто подберет к ним ключ.

«Этот ребенок уникален...»

...мальчика переполняет энергия. Он хочет всего, он интересуется всем и охотно перескакивает от словаря растений к словарю древнееврейского. Мои знания уже недостаточны, чтобы питать эту голову и глаза, фонтанирующие вопросами. <...> Примите его, прошу вас.

Из письма монаха-бenedиктинца аббату Дюссеру

В начале 1790 года в семью почтенного книготорговца Жана Шампольона из Фижак⁷, поступало горе. Его супругу Жанну-Франсуазу разбил паралич. Врачи, обследовав больную, сочли случай безнадежным. И тогда отчаявшийся муж обратился за помощью к местному ведуну Жаку. На глазах у обеспокоенной родни тот молча разложил на полу ворох разогретых целебных трав. Потом, бережно уложив на них женщину, дал ей выпить горячего вина и какую-то микстуру. Остаток лекарства деревенский знахарь вылил на тело и, склонившись, долго массировал расслабленные мышцы. Когда Жанна-Франсуаза уснула, Жаку, наконец, прервал затянувшееся молчание, заявив, что она скоро поправится. И до конца года родит сына, который станет «светом для будущих веков»⁸.

Оба предсказания, равно как и странные действия ведуна, казались настолько невыносимыми, что присутствующие не могли в них поверить. Но через несколько дней хозяйка дома действительно встала на ноги, а в канун Рождества 1790 года, 23 декабря, о своем появлении на свет громким криком возвестил будущий отец египтологии Жан-Франсуа Шампольон. Только что пробило два часа ночи, однако это не смутило счастливого отца. Он попросил потеплее завернуть свое драгоценное чадо и тут же отнес его в церковь к юре Буске, чтобы немедленно окрестить.

Позже «врач, осматривавший юного Франсуа, с большим удивлением констатировал, что у него желтая роговая оболочка – особенность, присущая жителям Востока, но крайне редкая для европейцев. Более того, у этого мальчика был необычайно темный, почти коричневый цвет кожи и восточный тип лица. Двадцать лет спустя его везде называли египтянином»⁹.

Через три года грянула революция. И первое, что запомнил малыш в доме¹⁰ отца, стоявшем близ Place d'Armees, **главной площади Фижака (сейчас – площадь Шампольона)**, – это постоянное скопление людей, обсуждавших перипетии охватившего страну большого террора.

В пять лет ребенок самостоятельно освоил грамоту, уговорив матушку читать ему священное писание. Отец, которого пугала чрезмерная любознательность сына, велел прекратить занятия. Однако запрет лишь побудил мальчугана стащить Библию из отцовского магазина и продолжить свои «изыскания» в укромном месте. При-

⁹ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. М.: Изд-во иностр. лит.-ры. 1960. С. 96.

¹⁰ 19 декабря 1986 года в этом доме, в присутствии президента Франции Франсуа Миттерана и постоянного секретаря Французской академии древних письменностей и литературы Жана Лекляна, открыт музей Ж.-Ф. Шампольона, посвященный как египтологии, так и истории обществ и письменностей мира.

¹¹ Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-hapi.html>

¹² Там же.
¹³ «Египетский курьер» – одна из газет, издаваемых Институтом Египта. Институт основан Наполеоном в Каире 22 августа 1798 года по образцу Института Франции в Париже. Его кредо звучало так: «Нести факел разума туда, куда давно уже не доходил свет». Французские ученые работали в четырех секциях: математики, физики, политэкономии, литературы и искусства.

чем «...процесс овладения им грамотой чем-то напоминает дешифровку неведомой письменности. Заучив со слов набожной матери некоторые молитвы, мальчик затем находил их в молитвеннике. Приглядываясь к начертаниям слов, сопоставляя живую речь и графические изображения, он постепенно отгадывал значение отдельных букв и их сочетаний...»¹¹

В школе ребенок откровенно скучал, – играючи освоив начальную программу обучения, он на голову превосходил сверстников. По счастью, примерно в то время, спасаясь от репрессий, развернутых в стране против церкви, в Фижак забрел опальный бенедиктинский монах. Он и взял на себя заботу о воспитании детей Шампольонов в благодарность за предоставленные кров и стол. «Латынь и греческий он (Жан-Франсуа) усвоил уже в девятилетнем возрасте настолько хорошо, что в долгие зимние вечера разыгрывал перед восхищенными домочадцами целые сцены на сюжеты Гомера и Вергилия. И в семье его крепла вера в одаренность Шампольона-младшего и росло стремление дать ему широ-

Современный фасад музея

³ Цит. по: Брантон П. Путешествие в сакральный Египет. М.: Сфера, 1997. С. 302.

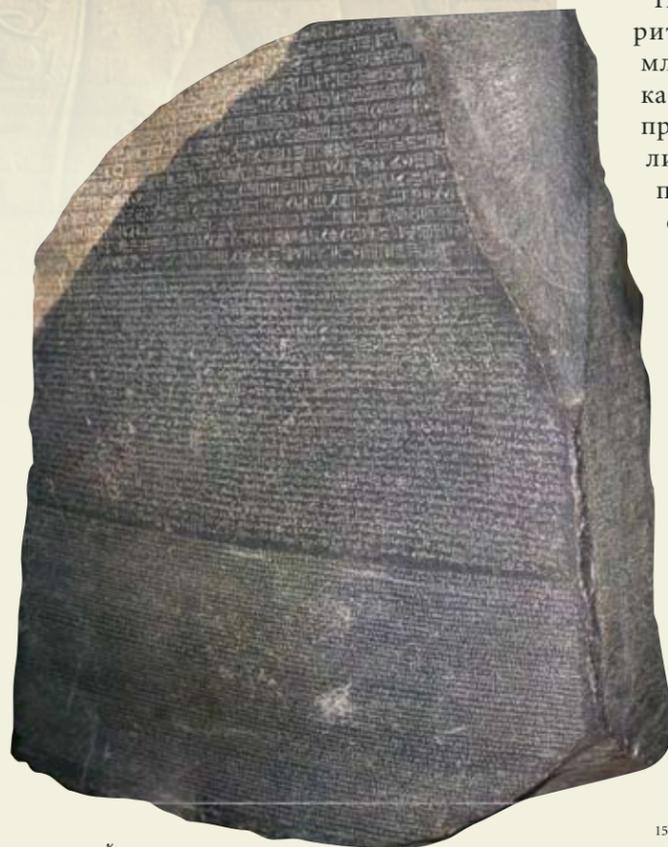
⁴ Бадж Э.У. Египетская Книга мертвых. М.: Алетейя, 2003. С. 328.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Цит. по: Жеребцов А. Тайны алхимиков и секретных обществ. М.: Вече, 1999. С. 224.

⁷ Фижак – город на юге Франции, в департаменте Ло, в 80 км к северо-востоку от Монтобана.

⁸ Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. М.: Эксмо. 2007. С. 277.

Розеттский камень.
Британский музей

кое образование, которого были лишены его родители, старший брат и сестры»¹².

Старший брат Жак-Жозеф, родившийся на двенадцать лет раньше Жана-Франсуа, тоже был личностью примечательной. Худой, высокий, сдержанный и молчаливый, он был полной противоположностью веселому и разговорчивому младшему брату. В двадцать лет, прознав о военной экспедиции Наполеона в Египет, он мобилизовал все свои связи, чтобы попасть в научную команду, но неудачно. Тогда он выписал газету «Courrier de l'Égypte»¹³, чтобы хоть издали следить за работой ученых. Так о находке **Розеттского камня** узнал Жан-Франсуа.

Розеттский камень – под таким названием вошла в историю черная базальтовая плита, найденная в 1799 году при строительстве форта Сен-Жюльен на берегу Розеттского рукава Нила¹⁴. Она содержала текст, выбитый на трех языках, употреблявшихся в империи Птолемеев. Первой шла надпись иероглифами, под ней – демотическим письмом и ниже – на греческом языке. Последнюю прочли сразу – это было датированное 196 годом до н.э. благодарственное обращение жрецов из Мемфиса к царю Птолемею V Эпифану, который по случаю своего вступления на трон освободил их от накопившихся долгов по налогам.

Поскольку родители не могли удовлетворить растущую любознательность своего младшего сына, Жак-Жозеф забрал ребенка с собой в Гренобль, куда переехал, чтобы приобрести знания в области языковедения, лингвистики, истории. К 1802 году Шампольон-старший уже занимал должность секретаря Академии провинции Дофинэ; мальчик же посещал частную школу, принадлежавшую аббату Дюссеру.

Пока товарищи с трудом одолевали основной курс, юный гений задался целью восстановить весь ход человеческой истории, «от Адама и до Шампольона-младшего». Но для чтения книг в подлиннике требовалось освоить еврейский, а потом и арабский, сирийский, арамейский языки. И подросток с легкостью выучил их. Верный Жак-Жозеф всегда находился рядом. Позже он скажет: «Моя роль состояла в том, чтобы служить Сегиру»¹⁵.

¹⁴ В 1801 году, после капитуляции Александрии, Розеттский камень и ряд других древностей при перевозке конфисковали у французов англичане. Сейчас камень выставлен в Британском музее.

¹⁵ Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 420.

Префектура

И, действительно, всю свою дальнейшую долгую жизнь Шампольон-старший, известный также как Фижак, проведет в заботах о судьбе своего гениального брата Сегира («Сегир» по-арабски – «малый, младший»).

«Он просто угадывает Египет!»

У нас есть ключ <...> Теперь надо найти мастера <...>

Наши дешифровщики, возможно, живут во Франции и ждут нас.

Наполеон. Из бесед с учеными

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, не вмешайся в ход событий богиня Фортуна. Так случилось, что в 1802 году префектом департамента Изер, столицей которого был Гренобль, назначили Жозефа Фурье¹⁶. Этот известный ученый участвовал в египетской кампании Наполеона. Вернувшись в Париж, он возглавил кафедру математического анализа в Политехнической школе. Когда Наполеон пришел

к власти, он назначил на ключевые места в государстве верных ему людей. Так Фурье оказался в провинции Дофинэ.

Страна фараонов была тогда модной темой во всех светских салонах Франции. Фурье привез с собой коллекцию египетских древностей, которую часто демонстрировал на торжественных обедах в префектуре. Возможно, во время одной из таких встреч аббат Дюссер и рассказал ему о своем талантливом подопечном.

Префект сохранил в памяти частые беседы с Наполеоном и вспомнил о страстном желании генерала понять природу устойчивой власти фараонов, основанной на прочной связи с Высшим Миром. Наполеон разделял стойкое верование древних эллинов, называвших иероглифы языком богов, и мечтал заставить Египет заговорить. Ученые не раз обсуждали его многочисленные высказывания на эту тему. Например: «Если мы вынесем на свет тайны их (Египта) цивилизации, мы возвратим этой стране славу, в которой однажды и сами будем нуждаться. И она, возможно, не будет эфемерной»¹⁷. Или – «У нас есть ключ (Розет-

¹⁶ Фурье Жан-Батист-Жозеф (1768–1830) – французский математик и физик. Участник Египетской экспедиции, член Института Египта, его постоянный секретарь. В 1807 и 1811 годах представил Парижской академии наук свои первые открытия по теории распространения тепла в твердом теле, а в 1822 году опубликовал классический трактат «Аналитическая теория тепла». В 1817 году избран членом Французской академии наук, в 1822-м – ее пожизненным секретарем.

¹⁷ Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 139.

тский камень). Теперь надо найти мастера. Новый, свободный ум, который не затронули проблемы и противоречия Института (Египта). Неизвестный? Надо его искать и делать это за пределами Египта. Наш дешифровщик, возможно, живет во Франции и ждет нас»¹⁸.

Фурье согласился выполнить просьбу уважаемого аббата, и братья Шампольоны с удовольствием приняли приглашение на обед, после которого хозяин пригласил гостей в почетный **салон префектуры**, где хранились сокровища. Один из исследователей жизни Шампольона от имени Фурье так повествует о случившемся: «Мы начали с осмотра моих папирусов. Жан-Франсуа созерцал их очень долго. Он вглядывался в каждый знак. Иногда тихонько и невнятно бормотал. Затем положил руку на первую рукопись. Его тонкие пальцы ласкали папирус и рисовали в воздухе что-то вроде арабесок, которые, казалось, соединяли знаки между собой. Он нарисовал один, другой, третий. Менее чем за минуту он восстановил их связь. Три раза одно и то же изображение – лежащий лев, совершенно невидимый с первого взгляда, настолько он затерялся среди океана других знаков. В Каире Жан-Жозеф Марсель¹⁹ добился того же результата, но это заняло у него целый час внимательного изучения <...> А Жан-Франсуа уже перешел к следующему папирусу <...>»²⁰.

Фурье не может надивиться на феноменального ребенка, который, рассматривая иероглифы на каменных плитах, вопрошает: «Можно ли это прочесть?» Ученый отрицательно качает головой. «Я это прочту, – уверенно говорит маленький Шампольон, <...> – я прочту это, когда вырасту!»²¹

Вскоре произошел инцидент, на всю жизнь связавший 34-летнего ученого и 12-летнего ребенка. Фурье показал Сегиру статуэтку фараона, найденную во время экспедиции в Долине Смерти. Тот рассматривал фигуру очень долго, а потом произнес: «Это не оригинал». Префект обомлел: действительно, в целях сохранности он снял с подлинника копию, которую и демонстрировал в

салонах. «Откуда ты знаешь?» – спросил ученый. «Я же вижу, – ответил мальчик. – Иероглифы не те, что на папирусе»²².

С той поры под воздействием Фурье подросток окончательно утвердился в намерении расшифровать иероглифы. Но для этого важно собрать максимальную информацию о Египте. И юный гений углубился в свою первую «научную» работу, за которую ему едва не надрали уши. Старший брат «...застал Жана-Франсуа за странным занятием. Обложившись книгами, мальчик вырезал отдельные листки и сортировал их, что-то подчеркивал, что-то выписывал. Оказывается, Сегир решил сопоставить между собою все, что писали греческие и римские авторы о Египте. С этой целью с помощью ножниц и были изъяты соответствующие места из томов Геродота, Страбона, Диодора и Плутарха <...> Шампольону-старшему жаль было испорченных книг, но он не мог не подивиться неиссякаемой пытливости и редкой находчивости своего двенадцатилетнего брата»²³.

Библиотека Фурье также находилась в распоряжении подростка. Однажды по совету префекта Сегир прочел книгу «Путешествия по Египту и Сирии», которую высоко ценил Наполеон, заметивший: «Не существует лучшего описания Египта, чем воспоминания Вольнэ». Мальчик стал сравнивать содержание книги с рассказами Фурье и, когда встречал расхождения, пытался дознаться, кто же прав. В конце концов префект написал в Париж коллеге Гаспару Монжу²⁴, чтобы тот уговорил автора книги погостить в Гренобле. И Константен Вольнэ²⁵, человек колоссальных знаний и высокой культуры, с которым мало кто из ученых того времени согласился бы вступить в дискуссию, принял приглашение. При первой встрече мэтр, внимательно слушая мальчика и задавая ему вопросы, обратился к Фурье: «Поклянитесь, что он никогда не был на Востоке». И добавил: «Он просто угадывает Египет!»²⁶

А Сегир вдруг решил, что для расшифровки иероглифов нужно овладеть коптским и эфи-

опским языками. Однако программа лица, в который он поступил в 1804 году, не предусматривала подобных дисциплин. И опять всемогущая Фортуна явила свою всеблагую милость. Коллега префекта, восхищенный вундеркиндом, обратился к главному управляющему по народному образованию Антуану-Франсуа Фуркруа. Суть прошения состояла в просьбе облегчить Шампольону-младшему программу обучения, поскольку «тот должен посвятить себя в первую очередь собственным исследованиям»²⁷. Высочайшее разрешение было получено.

Примерно в это же время юный лицеист обдумывает замысел книги «Египет при фараонах». Он изучает «материал, который только благодаря Фурье попал в Гренобль, собирает все, что только может собрать, и летом 1807 года <...> составляет первую географическую карту Древнего Египта, первую карту времен царствования фараонов. Смелость этого труда можно оценить по достоинству, лишь зная, что в распоряжении Шампольона не было (да и не могло в то время быть) никаких источников, кроме Библии, да отдельных латинских, арабских и еврейских текстов <...> большей частью фрагментарных и искаженных, которые он сравнивал с коптским, ибо это был единственный язык, который мог послужить своего рода мостиком к языку древнего Египта и который был известен потому, что в Верхнем Египте на нем изъяснялись вплоть до XVII века»²⁸.

А первого сентября 1807 года семнадцатилетний выпускник лицея неожиданно для себя становится... академиком. Он представляет Академии Дофинэ упомянутую карту Египта, введение к книге и знакомит с содержанием будущих глав. Единодушное восхищение мэтров, потрясенных широтой мысли, четкой аргументацией и логикой автора, озвучил Ренольдон, президент Академии

Жак-Жозеф Шамполион-Фижак, старший брат египтолога

Гренобля: «Если Академия, несмотря на Вашу молодость, избирает Вас своим членом, она тем самым отдает дань Вашим заслугам, тому, что Вы уже свершили. Но в еще большей степени она рассчитывает на то, что Вам еще суждено свершить. Она убеждена, что Вы оправдаете возлагаемые на Вас надежды, и в тот день, когда Вы своими трудами создадите себе имя, вспомните, что первое поощрение Вы получили от нее»²⁹.

Наполеон оказался прав: дешифровщик иероглифов уже жил во Франции и ждал своего часа, напряженно готовясь к выполнению наиважнейшей жизненной задачи.

¹⁸ Там же. С. 275

¹⁹ Марсель Жан-Жозеф (1776–1854) – специалист по восточным языкам, знаток печатного дела. В Египте руководил типографией Наполеона, издавал и редактировал газету «Египетский курьер».

²⁰ Риу Ж.-М. Тайна Шамполиона. С. 288.

²¹ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 97.

²² Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 289.

²³ Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-xapi.html>

²⁴ Монж Гаспар (1746–1818) – французский математик, геометр, астроном и общественный деятель. Участник египетской экспедиции и доверенное лицо Наполеона, первый президент Института Египта. Возглавлял Политехническую школу в Париже, в 1780 году избран в Академию наук Франции. Один из его важнейших трудов – «Начертательная геометрия» (1799).

²⁵ Вольнэ Константен-Франсуа (1757–1820) – востоковед, просветитель, философ и политический деятель. Его труд «Путешествие по Египту и Сирии», вышедший в свет в 1787 году, содержит обширный материал об этих странах.

²⁶ Риу Ж.-Ф. Тайна Шампольона. С. 298.

²⁷ Там же. С. 299.

²⁸ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 97–98.

²⁹ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 98.

«Ах, какой замечательный лингвист!»

Ты жалуешься, что у тебя много врагов. Что они больше и сильнее тебя. Ты ошибаешься. Это ты сильнее их. Тебя стараются погубить только в том случае, когда боятся.

Восточная мудрость

К концу 1807 года Шампольон поступил сразу в два престижных заведения Франции, где изучали санскрит, зенд, пехлеви, коптский, – Коллеж де Франс и Специальную школу живых восточных языков (*École spéciale des langues orientales vivantes*). Первое являлось старейшим учебным заведением страны, Франциск I основал коллеж в 1530 году, чтобы знакомить своих подданных с новейшей научной мыслью; второе было создано после египетской экспедиции Наполеона. Признанными авторитетами в этих учебных заведениях считались востоковеды Сильвестр де Саси³⁰ и Луи-Матье Ланглес³¹. Оба профессора с первого дня с пристрастием отнеслись к Шампольону, отличавшемуся большой независимостью характера. Сильвестр де Саси, который сам потерпел неудачу при попытке разгадать тайну Розеттского камня и считал расшифровку иероглифов столь же недоступной

Жан-Франсуа Шамполион, гравюра Эжена Шамполиона

для смертных, как и ковчег Завета, не сразу признал Шампольона. А Ланглес, специалист по персидскому языку, был завистлив и агрессивен, он сердился, что студент ускользает из-под его влияния. Однажды, застав Шампольона за очередным коптским манускриптом в Императорской библиотеке (ныне Национальная библиотека в Париже), он устроил ему форменный разнос, грозя выгнать из школы. Сегир охарактеризовал демарш так: «Его план состоял в том, чтобы отправить меня в Персию консулом.

И тогда я мог бы проститься с расшифровкой... Два зайца одним выстрелом: он отстранял меня от изучения Розеттского камня и от Школы восточных языков...»³².

Во все периоды истории талантливые люди служили для современников пробным камнем, проявляя в них позитивные или негативные качества характера. «Люди боятся оригинальной мысли больше, чем чего-либо другого на Земле, больше разорения, больше самой смерти»³³, – справедливо отметил Бертран Рассел. К Шампольону никто не относился равнодушно: каждый, кто с ним соприкасался, становился либо его сторонником, либо открытым или скрытым врагом. Противодействие его работе, неверие в возможность расшифровать письменности Древнего Египта сопровождали ученого всю жизнь. Казалось, окружающие задалась целью посмотреть: потерпит он крах или все-таки преуспеет?

По счастью, доброжелателей было больше. На всю жизнь Сегир сохранил сердечную благодар-

ность своим парижским учителям аббату Терсану и Антуану Заккуру³⁴. Аббат специально отправился в Англию, чтобы привезти своему любимцу хорошую копию текста с Розеттского камня, необходимого для расшифровки иероглифов. А Заккур водил его в церковь Св. Роха, где служили мессы, устраивал встречи с парижскими коптами. Через год Сегир овладел языком настолько хорошо, что, по собственному выражению, разговаривал на коптском сам с собой. Он напишет в письме к брату: «Мне кажется, что я родился здесь, а местные европейцы думают, что я очень похож на копта»³⁵.

Благодаря Заккуру, мудрому и широкообразованному человеку, перед Шампольоном открылись двери посольств Персии, Аравии и других восточных стран. Соннины де Маненкур³⁶ побеседовав с Сегиром, заявил: «Он (Шампольон) знает те страны, о которых у нас шел разговор, так же хорошо, как я сам»³⁷. Лингвистические способности молодого ученого поражали воображение как соотечественников, так и иностранцев. «Ах, какой замечательный лингвист!»³⁸ – воскликнул френолог Франц Галль (сумевший во время одного ученого собрания внимательно рассмотреть череп Шампольона). «Он так проникся духом арабского языка, что у него даже меняется голос, и в одной компании какой-то араб, приняв его за соотечественника, раскланивается с ним и обращается к нему с приветствием на его родном языке»³⁹.

Жизнь в столице была тяжелой. Зима 1808 года оказалась на редкость холодной, и Жан Франсуа простудился, болезнь горла перешла в хроническую форму и донимала его всю оставшуюся жизнь. Крохотная каморка близ Лувра стоила всего лишь 18 франков, но и этой жалкой суммы часто нет в его студенческом кошельке. Задолжав, Сегир пишет брату в Гренобль: «У меня нет ни одного су. Я едва могу позволить себе роскошь вычистить сапоги, уплатить за письма, которые я получаю. Хозяйка ежедневно требует уплаты за квартиру. Я беден, как поэт, я, пожалуй, немножко беднее еще, чем очень беден...»⁴⁰. Брат отвечает, что если Сегир не урежет свои расходы, придется продать библиотеку. Но как уменьшить расходы, если уже сейчас он ходит в потрепанном костюме, подметки рассыпаются буквально на глазах, а в животе предательски урчит.

Шампольон каждую свободную минуту отдает труду, а тут еще новая напасть: Наполеон вербует армию, и студенты подлежат всеобщей мобилизации. Сегир, в ужасе, что ему придется подчиняться армейской дисциплине, признается брату: «Бывают дни, когда я теряю голову»⁴¹. И преданный Жак-Жозеф, вновь мобилизует все свои связи, пишет заявления, рассылает бесчисленные письма influentialным знакомым. В результате младший брат получает возможность продолжить изучение столь любезных его сердцу восточных древностей.

А коллеги, работавшие в той же области, буквально дышат ему в спину. Сильно продвинулся в расшифровке англичанин Томас Юнг⁴², первым определивший, что знаки в овальной рамке – картуше – означают имя фараона. А французский историк Александр Лемуар, часто общавшийся с Сегиром и не обмолвившийся о своем интересе к расшифровке ни единым словом, вдруг неожиданно для ученой братии издал в 1808 году книгу под названием «Новое объяснение иероглифов»⁴³. Прочитав ее, Шампольон долго и весело смеялся, столь беспомощным показался ему этот труд.

Вольнодумец

А какие идеи развивал этот профессор истории! Он объявил высшей целью исторического исследования стремление к правде, причем под правдой он подразумевал абсолютную правду.

<...> Он выступал за свободу науки, также понимая под этим абсолютную свободу, а не такую, границы которой определены указами и запретами и от которой требуют благоразумия во всех определенных властями случаях.

К.В. Керам. Боги, гробницы, ученые

Два года в Париже пролетели незаметно. Летом 1809 года девятнадцатилетний профессор возвращается в Гренобль и преподает историю в местном университете. И вновь вокруг него возникает стена неприятия: «Среди его студентов были и те, с кем он два года назад сидел на одной скамье. Следует ли удивляться тому, что к нему отнеслись недоброжелательно, что его опутала сеть интриг?

³⁰ Барон Сильвестр де Саси, Антуан Исаак (1758–1838) – французский лингвист и ориенталист, востоковед, государственный деятель; профессор (с 1824-го – директор) Специальной школы живых восточных языков и Коллеж де Франс. С 1815 года – ректор Парижского университета, с 1823-го – директор Коллеж де Франс, в 1832 году назначен непременным секретарем Французской академии надписей и изящной словесности.

³¹ Ланглес Луи-Матье (1763–1824) – востоковед, член Французской академии надписей и изящной словесности.

³² Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 306.

³³ Бержье Ж. Проклятые книги, М.: Крон-пресс. 1999. С. 131.

³⁴ Заккур Антуан (1759–1831) – сириец по происхождению, член Института Египта, в научной команде выполнял функции переводчика. Священник римской церкви, известный под именем «дон Рафаэль». После возвращения в Париж стал профессором Специальной школы живых восточных языков.

³⁵ Хэнкок Г., Бьювел Р. Власть талисмана. С. 575–576.

³⁶ Маненкур Карл-Соннины де (1751–1812) – французский натуралист, путешествовал по странам Африки, Европы и Ближнего Востока. Автор книг «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту», «Путешествие по Турции», «Путешествие по Греции».

³⁷ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 101.

³⁸ Там же. С. 94.

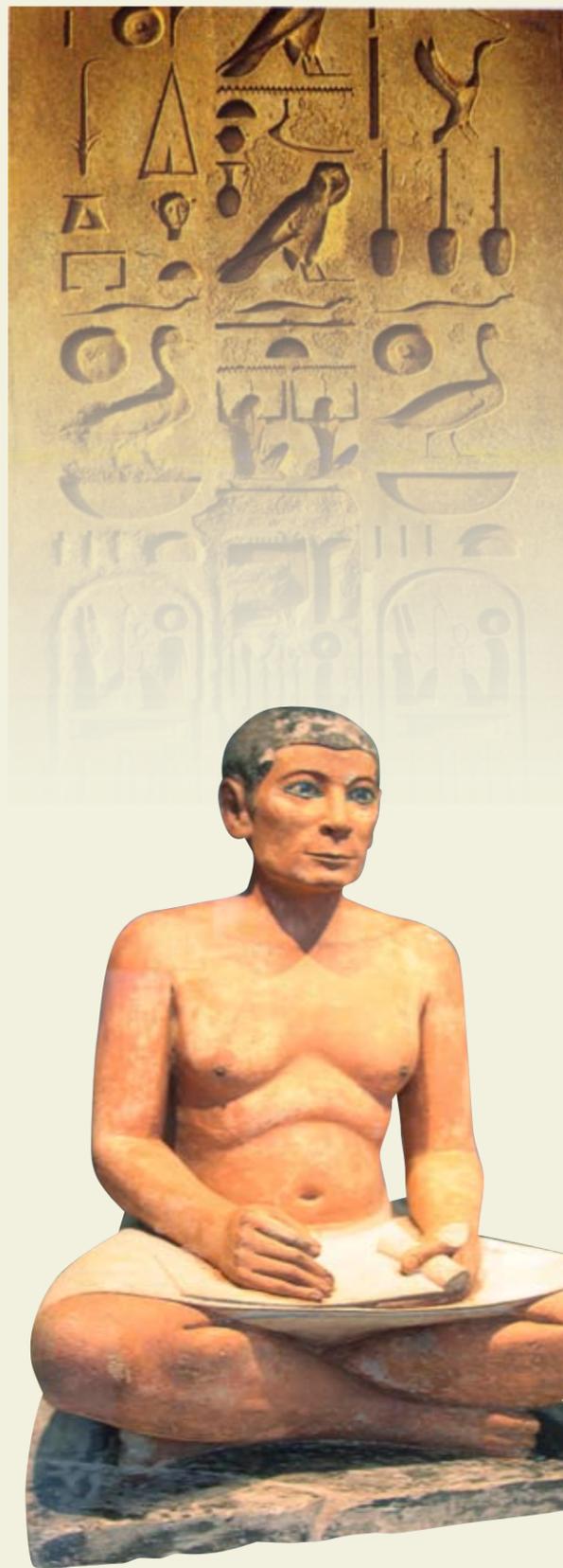
³⁹ Там же. С. 101.

⁴⁰ Петровский Н.С., А.М. Белов А.М. Страна Большого Хапи. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-xapi.html>

⁴¹ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 101

⁴² Томас Юнг (1773–1829) – английский физик, один из создателей волновой теории света, врач, астроном и философ, востоковед. С 1794 года – член Лондонского королевского общества, с 1802-го – его секретарь.

⁴³ Хэнкок Г., Бьювел Р. Власть талисмана. С. 572.

Статуя сидящего писца.
Середина III тыс.

Особенно усердствовали старые профессора, которые считали себя обойденными, обделенными, несправедливо обиженными»⁴⁴. Раздражение окружающих вызывает намерение Шампольона пересмотреть библейскую хронологию. Сдержанность и осторожность, столь характерные для провинциального Фижак, где люди в большинстве своем были не способны противостоять царящим в обществе догмам, начисто отсутствовали у Сегира. Как-то в беседе он заявил, что не только то, что написано в Библии, является словом Божиим. Иероглифы, как и другие древние языки, тоже исходят свыше. «Все (народы) – сыновья божьи, все равны!» В Париже он утверждал, что «фараоны, возможно, держали в руках скипетр всех народов мира!»⁴⁵

Многие библейские эпизоды вызывали у него сомнение. Взять хотя бы знаменитый исход из страны фараонов. Если верить Библии, 70 евреев, которых увел с собой праотец наш Иаков в Египет, за 150 лет пребывания там размножились до трех миллионов человек, бежавших позже в Землю Обетованную. Но хроники Египта и близлежащих стран не зафиксировали столь масштабного переселения. Был ли исход на самом деле, и если да, то из какой страны и в какое время? Шампольон вполне мог бы подписаться под словами коллеги по мятежному духу Е.П. Блаватской, написанными примерно полвека спустя после его смерти: «Если хронология Библии, установленная нашими учеными и богословами, верна, то как же можно примириться с тем, что пророк Иезекиль, который писал в 605 году до Р.Х., несколько раз говорит о Данииле как о древнем мудреце, когда Даниил к тому времени даже еще не родился?»⁴⁶

Разумеется, подобного рода высказывания «Робеспьера из Гренобля» (как называли Шампольона) тут же достигали ушей отцов церкви. И это тоже не способствовало нормальной работе.

Надо отдать молодому ученому должное, держался он стойко. Сначала, правда, бурно реагировал на происки недоброжелателей, а потом махнул рукой. В письме к брату он скажет об этом так: «В «Авесте» говорится: лучше сделать плодородными шесть четвериков засушливой земли, чем выиграть двадцать четыре сражения. Я с этим вполне согласен». Шампольон с головой погружается в творческие занятия,

⁴⁴ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 105.

⁴⁵ Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 308.

⁴⁶ Блаватская Е.П. Письма. М.: Ассоциация «Золотой век», 1995. С. 199.

преподает, собирает материал для книг, пишет бесчисленное множество статей в разные издания, консультирует коллег, воюет со студентами-бездельниками. Денег катастрофически не хватает – благодаря интригам недоброжелателей его жалование составляет лишь четверть от того, что получают они. Шампольон находит эту ситуацию забавной, иронизируя: «Судьба моя решена: бедный, как Диоген, я постараюсь приобрести бочку и мешок для одежды, что же касается вопросов пропитания, то здесь мне придется надеяться на всем известное великодушье афинян». И еще: «Мой коптский словарь с каждым днем становится все толще. Этого нельзя сказать о его соавителе, с ним дело обстоит как раз наоборот»⁴⁷.

В неустанных трудах пролетело пять лет, и наконец наступил судьбоносный день: в начале марта 1814 года в Гренобль вошел бежавший с острова Эльба Наполеон. И первое, что сделал опальный император, – пригласил к себе Шампольона. Одни исследователи видят в этом простую случайность, мол, беглецу на время требовался личный секретарь. Другие же, и это более походит на истину, полагают, что Наполеон знал об изысканиях ученого, скорее всего его информировал Монж, состоявший в переписке со старым другом и коллегой Фурье.

О чем говорили между собой два неординарных человека, доподлинно неизвестно. Возможно, император обещал поддержать изыскания Шампольона. Известно лишь, что вскоре старший брат Жак-Жозеф, к тому времени уже семь лет как женатый на Зое Берриа⁴⁸, отправился за Наполеоном в Париж. Сегир же остался дома, редактируя газету в поддержку императора. Но через сто дней на трон вернулись Бурбоны, префекта Фурье сместили, власть сосредоточилась в руках роялиста барона д'Оссез. Начался затяжной период гонений, и в 1816 году оба брата отправились в Фижак под домашний арест.

Их выпустили на полтора года после ходатайства влиятельных особ в Париже. Оба вернулись в Гренобль, но царившая там обстановка не располагала к плодотворной работе. В 1817 году Жак-Жозеф вновь уехал в Париж, где поселился на улице Мазарини, 28, а Жан-Франсуа остался преподавать. Когда королевские войска приблизились к Греноблю, которому грозил артиллерийский обстрел, он помчался в библиотеку и, один-одинешенек во всем здании, носил воду и песок, чтобы за-

щитить от огня древние рукописи.

Ученого вновь третируют, барон д'Оссез обвиняет его в государственной измене и пытается возбудить против него дело. Однако Шампольон уже не тот вспыльчивый и порывистый юноша, он закален в противоборствах с изуверами от науки и прекрасно понимает, что их цель – уничтожить его физически, воспрепятствовать выполнению его жизненной задачи. Словно чувствуя, что времени осталось мало, Сегир с головой погружается в расшифровку.

«Je tiens l'affaire»⁴⁹

Шампольон открыл заповедные двери египетского письма английским ключом <...> Но замок был настолько заржавлен, что требовалась очень сильная и искусная рука, чтобы этот ключ в нем повернуть...

Томас Юнг

Зов судьбы прозвучал летом 1821 года, и Шампольон мгновенно садится в карету, чтобы двинуться в Париж навстречу славе и мировому признанию. Спустя год в доме на тихой улочке Мазарини происходит какое-то событие, в результате которого ученый произносит знаменитое «Je tiens l'affaire» и падает навзничь, на пять дней погружившись в состояние небытия. Об этом факте упоминают многие исследователи его творчества, но что произошло в действительности, не знает никто. Жак-Жозеф, очевидец происшествя, случившегося 14 сентября 1821 года, не имел обыкновения удовлетворять праздное любопытство окружающих...

Приведу одну из художественных трактовок в виде рассказа Шампольона-старшего преданному другу брата Жозефу Фурье:

«Мой лоб касался его лба, когда я услышал звуки. Это был не коптский и не какой-то другой известный язык. Они были как шепот. Они плавали в воздухе, они становились все громче. Они шли как бы извне. <...> Сегир больше не шевелился. Только веки его дрожали. Моим единственным утешением было то, что он цеплялся за жизнь. Я был там, и тут вдруг начались совсем странные вещи. Знаки – теперь я видел их в зеркале на стене, напротив Сегира <...> превратились в нечто вроде пара, и он мало-помалу покрыл все зерка-

⁴⁷ Керам К.В. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. С. 106.

⁴⁸ Супруга Шампольона-старшего была дочерью видного чиновника и общественного деятеля департамента Изер Пьера Берриа, который дал ей в приданое поместье с парком, расположенное в г. Виф в 20 км от Гренобля. В 2004 году, во время проходившего во Франции IX Международного конгресса египтологов, здесь открылся дом-музей, посвященный братьям Шампольонам и египтологии.

⁴⁹ «Я нашел!» или «Я понял!» (франц.).

ло и даже окна. <...> А потом Сегир заговорил: «Пусть вода будет для тебя огнем жгучим». Я не забыл этих слов. Это невозможно забыть. Голос и эхо; они дрожали в воздухе. Звук, затем слово, произнесенное вслед моим братом, а пар все сгустился, знаки проступали все четче и умножались в каком-то безудержном ритме. Они как бы писали и говорили. И все это одновременно. Затем слова слились во фразы, которые преследуют меня и возникают каждую ночь. <...> «Я – Единственный с Первого Мгновенья. Я – мир Первого Раза, Первого Роста. Я – не реальность. Я – Истина». Погруженный в кому, Сегир с легкостью переводил этот шепот <...>.

Сегир открыл глаза. Видел ли он меня? Наверняка нет. Он был жив, да. Но только для того, чтобы читать звуки и знаки, которые были ему адресованы.

А я? Ценой невероятных усилий я немного пришел в себя. Я ничего не боялся. Я был свидетелем сцены, которую не постигал. <...> Сегир все еще говорил, уставившись на зеркало, где начертаны были знаки: «Да, – сказал он, – мне нужны Ключи Сновидений...». И протянул руку в пустоту. <...>

Затем эти звуки стали знаками, еще красивее тех, что являлись прежде. Они выходили из чистой и сверкающей жидкости, что образовала освещенный путь. <...> Сегир читал их без усилий. Он постигал могущество этой письменности <...>⁵⁰

Через неделю, 22 сентября 1822 года, возродившись к жизни, ученый изложил суть открытия в статье «Письмо господину Дасье⁵¹ относительно алфавита фонетических иероглифов». А 27 сентября Шампольон сделал сообщение о египетских иероглифах в присутствии виднейших ученых Франции.

В докладе, в частности, говорилось: «Иероглифическая письменность – очень сложная система, одновременно изобразительная, символическая и фонетическая в одном тексте, в одной фразе, я бы даже сказал, в одном слове»⁵². Сообщение до глубины души взволновало коллег, в числе которых находился и давний английский конкурент Томас Юнг, заметивший: «Неотразимая логика доказательств делала понятной сущность открытия Шампольона даже людям, весьма далеким от египтологии. А найденный им иероглифический

Ж.-Ф. Шампольон в арабском костюме во время франко-тоscanской экспедиции в Египет в 1828–1829 гг. Рисунок пастелью Джузеппе Анжелелли

алфавит усваивался буквально в течение получаса»⁵³.

На следующее утро о Шампольоне-младшем говорил весь Париж. Столицу со скоростью лесного пожара охватило поветрие моды: каждый старался подписывать свою корреспонденцию иероглифами, заключенными в картуш.

Как известно, новое никогда не входило в мир под фанфары. На ученого – в который уж раз! – посыпались обвинения в шарлатанстве. Маслитые академики, подобно авторитетному Жомару⁵⁴, чинили препятствия. Даже в Академию надписей и изящной словесности⁵⁵, он, уже известный ученый, попал лишь с третьего захода. Однако Сегира, всю жизнь ощущавшего себя между молотом и наковальней, уже не волновала эта

мышьячная возня. Ведь впереди столько работы! В 1824 году он издал новый большой труд – «Краткий очерк иероглифической системы древних египтян или исследования элементов этого письма», положивший начало существования египтологии, и приступил к составлению иероглифического словаря.

Еще через два года Шампольон в поисках египетских древностей отправился в Италию, где сумел обнаружить несколько бесценных рукописей и спасти ныне знаменитый Туринский царский папирус⁵⁶. Там, в Ливорно, ему довелось испытать сильное чувство к молодой поэтессе Анжелике Палли⁵⁷. «Я благодарю великого Амона-Ра за встречу с ней»⁵⁸, – писал он своему другу. Однако восхитительное единение с родственной душой продолжения получить не могло: в Париже ученого ждали супруга Розина и дочь Зораида.

«Мне кажется, что я родился здесь...»

Ни один народ мира, ни древний и ни современный, не понял искусства архитектуры и не осуществил его в таком грандиозном масштабе, как это сделали египтяне. Порой кажется, что древние египтяне мыслили масштабами людей ростом в сто футов.

Жан-Франсуа Шампольон

И вновь Фортуна являет благоволение к своему любимцу. Король Франции Карл X и правительство Тосканы организуют научную экспедицию в Египет. С итальянской стороны ее возглавляет Ипполито Розеллини⁵⁹, с французской – Жан-Франсуа Шампольон.

Летом 1828 года в Тулоне ученый взосел на корабль «Эгле», причаливший вскоре в порту Александрии. В письме к брату он сообщил, что «поцеловал египетскую землю, впервые вступив на нее

⁵⁵ Институт Франции – основное официальное научное учреждение Франции, объединяющее пять национальных академий: Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию изящных искусств и Академию моральных и политических наук. Основан в 1795 году.

⁵⁶ Туринский царский папирус – папирус, найденный в Луксоре в 1820 году. Через несколько лет был продан египетскому музею в Турине, однако по дороге рассыпался на кусочки. Шампольон, находясь в то время в Италии, помог соединить их воедино. К слову, в 1926 году он обратил внимание научной общественности на этот редчайший артефакт, опубликовав «Два письма господину герцогу Блака д'Ольп относительно Туринского Королевского музея, формирующего хронологическую историю египетских династий».

⁵⁷ Хэнкок Г., Ричард Бьювел Р. Власть талисмана. С. 572.

⁵⁸ Там же. С. 573.

⁵⁹ Розеллини Ипполито (1800–1843) – итальянский египтолог, профессор восточных языков в Пизе.

⁵⁰ Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 423–429.

⁵¹ Дасье Бон-Жозеф (1742–1833) – французский ученый; с 1772 года – член Академии надписей и изящной словесности, с 1783-го – ее постоянный секретарь. В 1800 году назначен главным хранителем Национальной библиотеки, в 1823-м избран в Академию наук Франции.

⁵² Риу Ж.-М. Тайна Шампольона. С. 358.

⁵³ Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-hapi.html>

⁵⁴ Жомар Эдм-Франсуа (1777–1862) – инженер-географ, археолог, составил первое научное описание и провел точные измерения египетских пирамид. Член Института Египта.

Жена и дочь Шамполиона Розина и Зофаида

после многолетнего нетерпеливого ожидания». Затем ученый отправился в Розетту и отыскал место той давней находки, чтобы поблагодарить египетских жрецов за надпись 196 года до н.э., которая помогла ему понять язык иероглифов. Отсюда по Нилу Шампольон добрался до Каира, где с восхищением взирал на пирамиды плато Гиза. «Контраст между величиной постройки и простотой формы, между колоссальностью материала и слабостью человека, руками которого возведены эти гигантские творения, не поддается описанию»⁶⁰, — напишет он в очередном письме в Париж.

До конца 1829 года «аргонавты», как называл свою научную команду Сегир, исколесили практически весь Египет, сопровождаемые толпами босоногих местных жителей. Всем хотелось посмотреть на человека, который умеет читать надписи на древних камнях. И, действительно, он был единственным светским ученым за последнюю тысячу лет, способным понимать древние

знаки. Шампольон зарисовывает, копирует, в Мит-Рахине открывает два храма и мертвый город, отбирает экспонаты для музея, классифицирует архитектурные строения, причем безошибочно — сказались годы всесторонней и тщательной подготовки.

Страна фараонов очаровала участников экспедиции. Неизгладимое впечатление произвел храм богини Хатхор в селении Дендера⁶¹. Вот как описывает один из «аргонавтов» волнующий момент встречи с неподвластной времени Красотой:

«Мы мчимся наудачу сквозь пальмовую рощицу, возникшую перед нами при свете луны, словно волшебное видение <...> Дальше — еще один двухчасовой переход, и наконец мы у цели — перед нами залитый светом храм. При виде этой картины мы пьянем от восторга. Дорогой мы пели, чтобы заглушить нетерпение, но здесь, перед залитыми лунным светом пропилеями, чувства переполняют нас — под этим портиком, опирающимся на гигантские колонны, царит глубокая тишина <...> Таинственное очарование усугубляют глубокие тени; а снаружи — пленительный, сверкающий лунный свет! Незабываемый контраст! Потом мы зажигаем в храме костер из сухой травы. Новое волшебство, и вновь всеобщий взрыв восторга, доходящий до исступления. Это было похоже на лихорадку, на сумасшествие. Мы все были в экстазе. Однако все это было не волшебством, не фантазией, а реальностью — мы находились под портиком храма в Дендера»⁶².

Сам Шампольон — «аргонавты» почтительно называют его «учителем» — был более сдержан: «Я не буду пытаться описывать впечатление, которое, в частности, произвел на нас портик большого храма. Можно рассказать о его размерах, но дать представление о нем — невозможно. Это — максимально возможное сочетание грации и величия»⁶³.

Помимо научных изысканий, Шампольон выполнял и личное поручение короля Карла X по доставке одного из двух обелисков, веками стоявших перед Луксорским храмом. Правитель Египта Мохаммед Али преподнес его в дар Франции. Сегодня

знаки. Шампольон зарисовывает, копирует, в Мит-Рахине открывает два храма и мертвый город, отбирает экспонаты для музея, классифицирует архитектурные строения, причем безошибочно — сказались годы всесторонней и тщательной подготовки.

древний обелиск, украшающий площадь Согласия в Париже, известен всему миру. Но мало кто знает, что сохранностью этого величественного памятника древности мы обязаны великому ученому. Когда с транспортировкой глыбы весом 230 тонн и высотой 23 метра возникли технические проблемы, не в меру горячие головы предложили разрезать ее на части. Шампольон грудью встал на защиту святыни, назвав подобное предложение святотатством. В результате бесценный груз доставили через несколько лет на специально построенном для его перевозки судне «Луксор»⁶⁴.

Ученый пробыл в любимом Египте полтора года. Он работал, не щадя себя, не раз терял сознание, получал солнечные удары, но открытие следовало за открытием⁶⁵. «Могу со всей ответственностью заявить, что наши знания о Древнем Египте, особенно о его религии и искусстве, значительно обогатятся, как только будут опубликованы результаты моей экспедиции»⁶⁶, — писал он. «Египет пройден шаг за шагом, и я останавливался всюду, где только время сохранило какие-либо остатки античного блеска; каждый памятник был предметом специального исследования; я просил зарисовать все барельефы и скопировать все надписи, которые могли пролить свет на первоначальное состояние народа, имя которого связано с древнейшими литературными преданиями. Материалы, которые я собрал, превзошли мои ожидания. Мои портфели хранят в себе величайшие сокровища, и я считаю себя вправе сказать, что история Египта, его религии и созданного им искусства станет нам известна и будет правильно оценена только после опубликования рисунков, явившихся плодом моего путешествия»⁶⁷.

Вернувшись на родину, Шампольон получает должность смотрителя египетского музея в Лувре, а также место профессора египтологии в Коллеж де Франс. Однако его здоровье, никогда не отличавшееся особой крепостью, окончательно подорвано, сказались многочасовые исследования в подземных храмах Египта. Предчувствуя близкий конец, Шампольон спешит закончить составление

⁶⁵ К сожалению, Шампольон так и не успел систематизировать результаты экспедиции: уже после его смерти были изданы четыре тома «Памятников Египта и Нумидии» (1835–1845) и два тома «Пояснительных заметок к авторским рукописям, написанным Шампольоном-младшим в местах экспедиций» (1844).

⁶⁶ Низовский А.Ю. 100 великих археологических открытий. С. 132.

⁶⁷ Петровский Н.С., Белов А.М. Страна Большого Хапи. <http://www.kodges.ru/47651-strana-bolshogo-xapi.html>

Луксорский обелиск Рамзеса II на площади Согласия в Париже

ние грамматики и словаря. (Обе книги, «Египетская грамматика» и «Египетский словарь в иероглифическом написании», вышли после его ухода – в 1836 и 1841 годах.)

Час пробил 4 марта 1832 года: ученому было всего 42 года. Отпевали Жана-Франсуа Шампольона в любимой церкви Св. Роха, а похоронили на аллее ученых на кладбище Пер-Лашез, рядом с близким сердцу Жаном-Батистом Фурье.

Но даже смерть великого человека не утихомирила его врагов, с горечью заметил Шампольон-старший (рукописи брата находились в его руках), они «ничего не забывали, были преступными и готовыми к решительным действиям»⁶⁸. Они продолжали порочить его систему дешифровки, стремясь уничтожить все, чего не понимали. Предательствовали и ученики: один из них, итальянец Франческо Сальволини, опубликовал в 1832 году работу «Основные принципы, позволяющие определить даты на памятниках Древнего Египта», в которой без ссылки на труды учителя использова-

ны некоторые результаты его научной деятельности. Непостижимым образом исчезло еще несколько записей и рисунков. Понадобилось больше трех десятилетий, чтобы научный мир осознал значимость трудов великого египтолога. Этому во многом способствовал преданный брату и общему делу Фижак, переживший Сегира на 35 лет. Все это время он приводил в порядок рукописное наследие брата, издавал его труды, материально и морально поддерживал его вдову и дочь.

Окончательно реабилитировал отца египтологии его немецкий последователь Карл Рихард Лепсиус⁶⁹. В 1866 году он нашел среди развалин г. Сана (Танис) близ Александрии еще один камень с трехязычной надписью. В 239 году до н.э. египетские жрецы сделали ее в г. Канопе, адресовав послание царю Птолемию Эвергету. Благодаря системе Жана-Франсуа Шампольона Лепсиус быстро расшифровал «Декрет из Канопы». Долго молчавшая страна фараонов наконец обрела голос. Теперь пришел черед сита, кирки и заступа. Насту-

⁶⁸ Риу Ж.-М. Тайна Шамполиона. С. 405.

⁶⁹ Лепсиус Карл Рихард (1810–1884) – немецкий (пруссский) археолог и египтолог; профессор египтологии в Берлинском университете, содиректор, позднее директор Египетского музея. Считается отцом современной египтологии.

пила эра масштабных археологических раскопок.

За двадцать лет до этого, в 1842 году, Лепсиус (по рекомендации А. фон Гумбольдта и Х. Бунзена) был направлен прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV во главе экспедиции в Египет и Судан для исследования остатков древнеегипетской цивилизации. Экспедиция открыла 67 пирамид и более 130 захоронений знатных лиц. Основным ее результатом стала книга «Памятники из Египта и Эфиопии» в 12 томах, содержащая 900 египетских надписей с комментариями, картами и зарисовками. До настоящего времени этот труд является крупнейшим источником по истории Древнего Египта.

Подпись к иллюстрации